

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРЕЗИДЕНТА Б. ОБАМЫ: ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

© 2011 г. **В.А. Кременюк***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье рассматривается процесс формирования внешнеполитического курса президента Б. Обамы в условиях двойного кризиса, переживаемого Америкой: с одной стороны, внутренний кризис, порождённый финансовыми неурядицами и связанными с ними политическими явлениями; с другой – глобальный кризис, который также связан с финансовой сферой, но одновременно и с далекоидущей перестановкой глобальных ролей ведущих держав – России, Китая, Индии и др. Политика президента Обамы рассматривается как попытка найти правильное сочетание действий по преодолению внутреннего кризиса в США и участия Соединённых Штатов в построении нового мирового порядка, в котором позициям Запада начинает угрожать вызов со стороны стран с быстрорастущими экономиками.

Ключевые слова: внешнеполитический процесс, управление кризисом, «гибкая сила», постамериканский мир, отношения с союзниками, отношения с Россией, отношения со странами других культур и цивилизаций.

Говоря о внешней политике Б. Обамы, можно с уверенностью утверждать, что она представляет собой часть общей стратегии американского президента, имеющей целью поиск эффективного выхода Соединённых Штатов из кризиса – как своего собственного, так и глобального. Безусловно, для США оба кризиса непосредственно связаны между собой, потому что некоторые проблемы американской экономики, внутреннего положения в стране, недовольство значительной части населения так или иначе объясняются поведением Вашингтона на международной арене, истощающим ресурсы страны. Предшественник Б. Обамы, президент Дж. Буш-мл. (2001–2008 гг.), построил свою внешнюю политику таким образом, что она не только «проела» образовавшийся в годы президентства У. Клинтона (1993–2000 гг.) профицит бюджета, но и «залезла» в непомерные долги (дефицит бюджета – 1,3 трлн. долл.), обрекая страну на бессмысленное топтание в Ираке и Афганистане.

Поэтому задачей Б. Обамы было, не подрывая престижа США как лидера группировки развитых стран и многих развивающихся, не жертвуя тем, что при любой администрации относится к категории «национальной безопасности» или «безопасности союзников», покончить с самыми трудными и практи-

* **КРЕМЕНЮК Виктор Александрович** – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН. E-mail: vkremenjuk@gmail.com

чески неразрешимыми проблемами (типа положения в Ираке или Афганистане), укрепить собственные позиции США и позиции их союзников, наладить диалог с группой быстро развивающихся экономик (Китай, Индия, Бразилия) и Россией, как сопоставимой с США ядерной державой. Б. Обама был просто обязан так пересмотреть всё доставшееся ему наследство от республиканского президента в области внешней политики, чтобы, наряду с решением накопившихся проблем, сделать ещё и задел на будущее, поскольку хотел (и хочет) добиться переизбрания на пост президента в 2012 году.

В этой связи он должен был, следуя сложившейся практике, начать с полной переоценки положения в отношениях США со странами мира, как союзниками, так и несоюзниками, выявить в этих отношениях самые сложные, узловые проблемы, предложить их решение и увязать всё это с разработкой своего собственного внешнеполитического курса. Причём такого курса, который не давал бы повода упрекнуть Вашингтон в стремлении решать свои проблемы за счёт других, высвобождая ресурсы для внутренних проблем, как это делала в своё время администрация Р. Никсона в 1970–1974 гг., а, наоборот, помогал бы другим решать их проблемы и за счёт этого укреплять позиции США как желательного лидера, как страны, которая располагает секретом собственного успеха и успеха в помощи другим.

Повестка дня для нации

Переоценка внешней политики США администрацией Обамы началась с главного – насколько нынешние американские ресурсы позволяют Соединённым Штатам брать на себя роль мирового полицейского и выполнять в полной мере функции по борьбе с терроризмом и радикализмом, одновременно оказывая поддержку союзникам, сохраняя стратегический баланс с Россией, исполняя функцию «сдерживания» Китая (в связи с проблемой Тайваня), продолжая борьбу против появления ядерного оружия в Иране и осуществляя многие другие программы, которые были рассчитаны на иной, более обширный объём усилий. Короче говоря, основной вопрос состоял в том, могут ли США позволить себе безоглядно вмешиваться в дела других стран или же это будет угрожать истощением ресурсов и политическим поражением, не принося никакого облегчения другим странам?

При этом речь шла не только о количественном объёме необходимых ресурсов и затрат на осуществление миссии лидера. Понятно, что в годы президентства Дж. Буша-мл. расходы на внешнюю политику и оборону выросли в несколько раз. Речь шла и о необходимости пересмотра ряда концепций, которые подсказывали американскому руководству совершенно неадекватные решения, лишь усугубляющие положение дел. Например, это давно уже (практически со времён войны во Вьетнаме) назревший вывод о существовании стран и ситуаций, в которых от традиционной военной силы, даже при весьма высоком уровне технологии и вооружений, проку очень мало или вовсе нет. Проблемы, которые в этих странах возникают, их сложность, запутанность, неординарность, требуют совершенно иных подходов и решений, поэтому попытки решать их «в лоб», полагаясь только на военное превосходство, обрече-

ны на провал. По представлениям Б. Обамы и его близких советников требовался весьма скрупулёзный и всесторонний анализ того, с чем сталкиваются США на мировой арене, и не менее продуманная система взаимосвязанных решений.

Это был только первый, начальный этап разработки политики, за которым шли определение задач, оценка ресурсов для их исполнения и разработка стратегий решения. Всё должно было следовать общепринятым и зарекомендовавшим себя способам разработки политики и не напоминать порой малообоснованные «спонтанные» решения Дж. Буша-мл. С точки зрения научного анализа, Б. Обама хотел внести в формирование своего внешнеполитического курса сильные элементы системного подхода, которые позволили бы ему не просто провести операцию по оптимизации действий США на международной арене (как это было сделано президентом Никсоном в 1970–1973 гг. в связи с выходом из войны во Вьетнаме), а в комплексе пересмотреть американский подход к событиям, происходящим в мире после завершения «холодной войны», к росту феномена глобализации, перестановки сил в мировом масштабе, к тому, что в современных условиях должно продолжать нести на себе ярлык «американской миссии».

Сделать это было чрезвычайно трудно, поскольку вопросы такого уровня уже переходят из плоскости межпартийных разногласий в плоскость идеологических столкновений между разными группами правящего класса Америки и требуют поэтому весьма солидной и продуманной аргументации. Конечно, победивший на выборах президент располагает каким-то ресурсом формулирования того, как он видит окружающий мир, и того, что должны в нём делать США. Но только до известного предела. Дальше он должен убедить в своей правоте и своих сторонников, и тех, кто не определился со своими взглядами и нуждается в разъяснении подоплёки президентского курса. А это, в свою очередь, означает продолжение борьбы за удержание президентского кресла и за другую, отличную от предыдущей, трактовку политики. В качестве примера можно привести раскол в рядах членов Сената США по вопросам ратификации Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), когда размежевание вышло за рамки межпартийных баталий (часть сенаторов-республиканцев всё же проголосовали за ратификацию договора) и проходило уже по линии размежевания разных идеологий – консервативной и либеральной.

Пользуясь своей победой на выборах, президент-реформатор, если только он всерьёз заинтересован в реформах и они – важная часть его программы, должен найти убедительное объяснение необходимости перемен и, что особенно важно, правильности предлагаемых решений. Президенту Обаме не пришлось слишком долго убеждать американцев в том, что внешняя политика Дж. Буша-мл. не принесла никаких серьёзных успехов США, а, наоборот, создала крупные проблемы. Однако отделаться при этом просто лозунгом «перемен», как он делал во время президентской кампании, было уже недостаточно. Нужен был какой-то другой политико-пропагандистский «заход», чтобы средний американец поверил ему и согласился на необходимые изменения.

Таким «заходом» для Б. Обамы стала концепция «усложнения» и «неоднозначности» современного мира, которые проистекают не столько из роста и перенакопления проблем, сколько из успешности многих процессов в области технологии, управленческих решений, интеллектуального и нравственного развития. Все эти положения он развил в более убедительной и доступной форме в докладе «О стратегии национальной безопасности» (май 2010 г.) [2], хотя в зачаточном состоянии они звучали уже в период предвыборной борьбы и в первые месяцы после инаугурации. Суть этих положений состояла в том, что мировые проблемы, вокруг которых сформированы узлы противоречий из сферы безопасности, экономики, экологии, прав человека и т.п., не должны становиться объектами противоборства (это только затрудняет процесс поиска необходимых и безотлагательных решений). Наоборот, они должны восприниматься как совместный вызов, требующий совместного же общепланетарного ответа. Формулировка этого ответа – привилегия лидера, в чём и должны преуспеть США.

Усложнение современного мира состоит в том, что с производственно-экономической точки зрения он начинает достигать уровня развития, на котором возможны кардинальные решения извечных проблем борьбы с голодом и болезнями, отсутствием жилья и бродяжничеством, безграмотностью и бедностью, преступностью и наркотиками. Но достижение объективных критериев возможности решения этих проблем не сопровождается параллельным ростом политической зрелости, адекватности механизмов принятия и реализации решений, обеспечения справедливости и равноправия. Здесь чаще всего продолжают доминировать национально-эгоистический или классово-эгоистический подходы, направленные на достижение односторонних выгод за счёт интересов других.

Фактически то, что предложил Б. Обама обществу, не было столь уж необычным. Если вспомнить огромные расходы США на помощь воюющему Советскому Союзу в годы Второй мировой войны, помощь европейским странам после её окончания («план Маршалла»), помощь освободившимся от колониального ига странам Азии и Африки, все другие факты политики Соединённых Штатов, в которой удачно сочеталась поддержка других стран и одновременная выгода США, то в позиции Б. Обамы не должно было быть чего-то необычного или вызывающего недоумение. Но дело в том, что после окончания «холодной войны», которая требовала большой жертвенности со стороны американцев и их готовности идти даже на самоубийственный ядерный конфликт для защиты союзников в случае нападения на них Советского Союза или Китая, в Соединённых Штатах стали доминировать чувства успокоенности, желания насладиться жизнью (что, между прочим, и привело к катастрофическому росту задолженности населения), требования к другим странам признать «заслуги» Америки в победе над общим врагом.

Такой комплекс настроений, усиленный традиционным американским самолюбованием и восхищением итогами собственного социально-экономического развития, не мог не привести к формированию чувства превосходства, снисхождения и даже презрения к другим странам и народам. Всё это составляло содержание политики Дж. Буша-мл. и привело к резкому дисбалансу между

реальными возможностями США и их декларативными целями. Особенно остро и наглядно это проявилось в реакции администрации Буша на трагические события 11 сентября 2001 г. Безусловно, действия террористов требовали адекватного ответа, и Дж. Буш это понимал. Но в своей реакции он пошёл значительно дальше, чем того требовала необходимость ответа. Видимо, с одной стороны, здесь сказался факт психологического шока населения Америки от демонстративной ненависти и жестокости террористов, а с другой – существенное непонимание как реального масштаба вызова, так и возможности найти адекватный ответ на него. Результатом стали решения о нападении на Афганистан и Ирак в 2002–2003 гг., что создало столь сложные проблемы во внешней политике США, блока НАТО, России, Пакистана и ряда других стран.

Поэтому в повестке дня для нации, которую предложил Б. Обама, наряду с трезвыми и прозаическими соображениями здравого смысла, содержался и весьма сильный мотив необходимости пересмотра отношений между Америкой и окружающим миром, в котором вполне обоснованные сомнения в уместности столь широкого и безоглядного расходования американских ресурсов сочетались с признанием того, что ряд стран, которые никогда не были союзниками США, добились впечатляющих успехов. И они требовали совсем иного подхода. Мир на глазах менялся, и измениться должна была внешняя политика США.

В целом позиция Б. Обамы по вопросам внешней политики не содержала признания «провала» или, тем более, «поражения» Америки. Это был призыв лучше понимать происходящие в мире перемены, признать их и постараться увидеть их возможные последствия, а также перепрограммировать внешнюю политику США таким образом, чтобы они вновь оказались «впереди всей планеты», но уже не как пугало, не как полицейский, а как самый умный и самый добрый «Айболит», взявший на себя решение извечных проблем человечества. Надо повторить: это не было чем-то абсолютно неожиданным для американцев, но появилось в момент, когда большинство общества ещё не понимало, что дни абсолютного американского превосходства («однополюсный мир») миновали и впереди сложная операция по выводу из кризиса всего глобального сообщества, в котором Соединённым Штатам предстояло сыграть ведущую роль. Какую-то часть американцев это вдохновило, а какую-то напугало, что и было видно по результатам выборов в Конгресс в ноябре 2010 года.

Постановка задачи

Вывод об усложнении мира и усилении его неоднозначности, конечно же, предполагал в первую очередь необходимость обеспечения соответствующего уровня интеллектуальности внешней политики. В этом отношении Б. Обама и его команда испытали на себе влияние некоторых идей Дж. Ная-мл., изложенных предварительно ещё в начале 1990-х годов в его книге «Сила интеллекта» (в русском переводе – «Гибкая власть», хотя адекватность этого перевода вызывает сомнения) [1], и затем дополненных в его же статьях. Речь шла как раз о том, что усиление и рост софистики современного глобального сообщества требуют адекватного понимания и не менее софистичированной реакции. Постепенно понятие «сила» в политике начинает отходить от традиционной

силы оружия (итоги Ирака и Афганистана), затем – от догмата силы денег (они всё ещё важны для обеспечения процесса разработки и принятия решений, но в связи с финансовым кризисом их роль снизилась) и движется в сторону примата интеллекта. Тот, кто лучше понимает состояние современного мира и кто может предложить лучшее решение его проблем, станет победителем. К этому идёт дело повсеместно.

Но понять, что происходит вокруг, – не простое дело. В XX веке произошли тектонические сдвиги в традиционной мировой системе. Вначале это была обычная, хотя по масштабам и неожиданно большая схватка между империалистическими державами – Первая мировая война, которая привела к революции в России и появлению глобального вызова со стороны коммунизма. Она также завершилась первой попыткой США сыграть роль глобального лидера. Затем наступила схватка с фашизмом как альтернативой частнокапиталистическому либерализму и совместная борьба «Большой тройки», заложившая основу мира после 1945 г. Последовавший за этим почти сорокалетний период «холодной войны», неоднократно угрожавшей человечеству ракетно-ядерным конфликтом, приучил государственных деятелей к осторожности и предусмотрительности и закончился распадом биполярной системы, поскольку Советский Союз не выдержал напряжения борьбы. В мире воцарилась смесь американского господства и растущего хаоса в тех его местах, где американскую модель, в силу разных причин, категорически отвергали.

По мере имеющихся интеллектуальных и материальных возможностей политические элиты разных стран пытались разобраться в этой драматургии и выяснить, что же на самом деле определит тип и характер международных отношений: сила, право, нравственность, мудрость? Некоторые из них безоговорочно признали и продолжают признавать авторитет США. Они остаются союзниками Америки, а некоторые страны Центральной и Восточной Европы даже захотели стать таковыми. Так образовался «золотой миллиард» (по численности населения) развитых стран во главе с США. Другие страны по достоинству оценили американский опыт в решении проблем развития и справедливости и попытались частично заимствовать американскую модель управления, а частично – отвергнуть её, найти рецепт ускоренного социально-экономического развития и пойти по этому пути. Так появилась внушительная группа стран в составе Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР (БРИКС). Демографический баланс и баланс ориентаций стал решительно смещаться в сторону определённого порядка, где доминировали в основном американские ценности.

С другой стороны, за пределами этой части глобальной системы оставались ещё страны с населением почти в 3 млрд. человек, с неустойчивой государственной организацией («несостоявшиеся» страны, по американской терминологии), страны с архаичными политическими системами и низкой производительностью труда, страны – источники незаконной миграции, экспорта наркотиков, страны, давшие приют террористическим группировкам на своей территории. В большей части это страны исламского мира. Таким образом, в мировой системе начал формироваться совсем иной порядок по сравнению с тем,

что было после окончания «холодной войны», и поддерживать который Соединённые Штаты в одиночку не могли. Помощь их союзников по НАТО в Афганистане не намного исправила положение. Надо было переосмыслить как причины разногласий в отношениях Запада и Востока (только на этот раз не между капитализмом и социализмом, а между христианским миром и миром иных культур и религий), переплетающихся с традиционным конфликтом между богатством и бедностью (Север – Юг), и попытаться ответить на него не в привычном стиле «дипломатии канонеров», а совсем иными методами, способными дать надёжные решения проблем без ненужной пробы сил на поле боя. Об этом вновь напомнил своим почитателям Дж. Най, мнение которого во многом совпадало с мнением других американских политиков «новой волны» (Ф. Закария, А. Этциони) [4].

Президент Обама отнёсся к этим идеям со всей серьёзностью. Он понимал, что выход из специфического американского и универсального глобального кризисов состоит в том, чтобы, во-первых, тщательно разобраться в их механизмах, и, во-вторых, найти правильные средства лечения, которые не загонят болезнь вглубь, не усугубят положение дел, не станут источником шантажа и запугивания (как при Дж. Буше-мл. стал «международный терроризм»), а, наоборот, помогут вскрыть «гнойники», вычистить их, применить надлежащие «бальзамы» и наметить правильный путь выздоровления. Путь – сложный и чреватый непониманием со стороны многих бывших сторонников, но единственно верный и выводящий ситуацию и в американском, и в глобальном масштабах из тупика. В принципе, такая постановка задачи не выходила за рамки материальных и духовных возможностей Америки, и президенту Обаме надо было только правильно переставить акценты, заменить наиболее одиозные и не оправдавшие себя элементы в политике, найти новых сторонников как в США, так и за их пределами и сдвинуть дело с мёртвой точки.

Единственным серьёзным, лимитирующим его возможности фактором было время и неготовность домашней и глобальной аудитории поддержать его начинания. Америка – настоящая сверхдержава, управляемая механизмом, построенным по сложным принципам сочетания «вертикалей» и «горизонталей». Для того чтобы сдвинуть там дело с мёртвой точки, мало одной только воли президента и его директив. Президентская власть опирается на сложную и разветвлённую систему принятия бюрократических решений, в которой каждый уровень управления имеет свою сферу ответственности и, пока он справляется с делом, невозможны ни произвольные перемещения персоналий, ни волюнтаристское вмешательство сверху (или, если речь идёт о позиции законодательной ветви власти, – то «сбоку»). Президент должен только подобрать своих людей на решающие участки управления и дать общее направление движения, которое может в итоге привести к нужным результатам. А это требует времени, которого у президентов, избираемых на четырёхлетний срок, фактически очень мало.

График движения

Не вызывает сомнений, что перестройка внешнеполитического курса и достижение его первых видимых итогов потребовало большого труда и терпения. Ведь весь процесс превращения внешней политики из сферы, только поглощающей ресурсы и время, в сферу, приносящую успех и признание, лишь наполовину зависит от того, кто эту политику осуществляет. После того как приняты основные решения, распределены ресурсы, поставлены нужные люди, начинает действовать обратная связь: реакция стран и режимов на предпринимаемые действия, проверка правильности исходных мотивов и гипотез, первые успехи и первые неудачи. В одних случаях это занимает небольшой период времени и итоги сказываются почти сразу (хотя надо ещё разбираться, насколько можно доверять этим итогам), в других – время затягивается, реакция партнёров непонятна, итог неясен. Надо обладать большим опытом, объёмом знаний, запасом терпения и верой в себя, чтобы и в этих условиях идти по намеченному пути и не бояться пауз.

Всё это требует также составления правильного «графика движения». Там, где можно ожидать быстрого и ясного отклика, надо ориентироваться на относительно быстрый успех, который поможет продвижению и в других, соседних областях. Например, перестройка отношений с союзниками по НАТО и ожидание эффекта от этого в Афганистане. В тех же местах и случаях, где нет уверенности в быстром успехе, надо строить «график» по-другому и находить правильные доводы, чтобы медленные темпы изменений не произвели впечатления провала. Так, в зависимости от типа отдельных групп стран и характера отношений США с ними, президент Обама по-разному строил свои ожидания в отношениях с союзниками, со странами БРИКС, отдельно – с Россией, как единственной, помимо США, ядерной сверхдержавой, со странами исламского мира (да и там одни темпы развития можно было ожидать в дружественных Египте, Иордании, Марокко и совсем другие – в Саудовской Аравии, Кувейте, Пакистане и других странах с консервативными политическими режимами). Короче говоря, «график движения» надо было составлять так, чтобы к моменту следующих выборов президента в 2012 г. можно было ожидать нарастающую волну внешнеполитических успехов.

«График движения» во внешнеполитическом курсе Б. Обамы был построен по раздельному принципу, в котором были сформулированы требующие своего решения проблемы отношений с отдельными группами стран (союзники, быстро развивающиеся экономики, Россия, страны исламского мира, международные организации) и ожидаемые результаты. Всё это на уровне бюрократической проработки оформлялось как в общих документах, написанных несколько необычно («Стратегия национальной безопасности»), так и в выступлениях президента в 2009–2010 гг. по отдельным, наиболее важным общим и региональным вопросам.

Отношения с союзниками. Главной проблемой в отношениях между США и их союзниками при администрации Обамы стала необходимость исправления диспропорций и неравенства, которые начали доминировать в этих отношениях при президенте Дж. Буше-мл. В принципе, связи между США и их союз-

никами никогда не были абсолютно равноправными, хотя в них уважение к суверенитету каждого участника считалось обязательной нормой. Но, отражая вес, значение и реальный вклад каждой страны в решение общих задач западного сообщества, роль США всегда признавалась лидирующей и даже доминирующей. Отношения строились по схеме: США – лидер, все остальные – ведомые. Некоторые из них – Канада, Франция, Германия, Великобритания, Италия, Япония – привилегированные ведомые, остальные – просто ведомые.

В этой конструкции большую роль играют механизмы соблюдения равновесия между, с одной стороны, доминирующим положением США и, следовательно, тем, что они считают своим «правом» на принятие решений от имени всего западного сообщества, а с другой – суверенным правом каждого участника на своё собственное мнение и уважение этого мнения со стороны «старшего брата». Большинство споров и конфликтов в рамках западного сообщества, начиная с выхода Франции из военной организации НАТО в 1966 г., происходило вследствие того, насколько «прав» был Вашингтон в своих иногда весьма рискованных решениях, которые могли угрожать безопасности всего Запада, если эти решения провоцировали международный кризис, и насколько правы были его союзники, когда подвергали эти решения критике и сомнениям и даже отказывались им следовать.

В научной литературе эта дихотомия была названа «односторонность против многосторонности», в которой под «односторонностью» подразумевалось периодически возникающее стремление Вашингтона ориентироваться, прежде всего, на собственные интересы или собственное понимание общих интересов Запада при принятии решений по вопросам, затрагивающим всё западное сообщество, а под «многосторонностью» – согласие США больше учитывать интересы других и даже консультироваться с ними при принятии решений по стратегически важным вопросам (хотя всё равно львиную долю усилий по их исполнению предпринимали США). И в том, и в ином случае роль Соединённых Штатов оставалась доминирующей, но, в зависимости от того, как США обращались с союзниками, это либо задевало их чувства национального достоинства, либо не вызывало протеста и безропотно принималось.

Своим курсом, в котором преобладала явная установка на «односторонность», администрация Буша создала немало проблем. Решения о войне в Афганистане (2002 г.) и в Ираке (2003 г.), решение о выходе из Договора по ПРО (2003 г.), некоторые другие решения принимались без учёта мнений союзников. Формально какие-то процедуры соблюдались, но, по сути дела, все решения принимал единолично Вашингтон, ставя союзников перед выбором: принимать безоговорочно эти решения (и делить с США ответственность за их реализацию) или же отвергнуть их, но тогда поставить себя в трудное положение изгоя. Всё это вместе с фактами, свидетельствующими о неспособности США добиться военной победы в Афганистане и в Ираке, вело к перенакоплению проблем в межсоюзнических отношениях и к возникновению опасности их кризиса, особенно с учётом того, что цементирующая отношения союзников в годы «холодной войны» военная угроза странам Запада со стороны СССР бесповоротно исчезла.

Президент Обама по достоинству оценил значение этой проблемы для внешнеполитического курса США – как на стадии президентской кампании, так и после выборов. Он не замедлил продемонстрировать свою озабоченность состоянием отношений с союзниками сразу после прихода к власти. Его первая зарубежная поездка в качестве президента в Европу состоялась в апреле 2009 г. в связи с празднованием 60-летия НАТО. Там он произнёс известную программную речь в Праге [5]. Обращает на себя внимание тот факт, что его речь состоялась не в Брюсселе и не в столице какого-либо из «старых» союзников США (Лондон, Париж, Берлин), а именно в Праге, где друзья времён «холодной войны» соединились с новыми союзниками США. Это, безусловно, жест, содействовавший укреплению единства союзников США в Европе, и обещание предложить им новую программу действий.

В речи Б. Обамы была ясно сформулирована установка на исправление положения в межсоюзнических отношениях на базе совместных решений скопившихся проблем. Прежде всего, подчёркивалась необходимость проведения срочных консультаций между союзниками по проблемам Афганистана, где боевые действия против талибов ведут не США в одиночку (это больше можно отнести к Ираку), а весь блок НАТО. Президент Обама выразил пожелание пересмотреть механизм принятия решений в Афганистане с тем, чтобы усилить в нём роль союзников, а также увеличить вклад самих США в боевые действия, чтобы сократить давление на ресурсы союзников. Кроме того, им был поставлен вопрос о дальнейшей судьбе Североатлантического блока как основного механизма союзнических связей США в евроатлантической зоне. По этому вопросу президент Обама предложил продумать комплекс мероприятий, проанализировать состояние блока на современном этапе, его способность отвечать на новые вызовы и обеспечить дальнейшую координацию действий альянса в области безопасности в самом широком смысле.

Президент Обама не ограничивал постановку задачи только нуждами улучшения отношений с союзниками. Он поставил в более широкий контекст необходимость заново оценить степень общности интересов союзников, близости их оценок нарастающих угроз, в особенности регионально-глобального или глобального масштаба, а также необходимость сохранения лидирующей роли США, хотя и сильно ограниченной системой детальных консультаций с союзниками. Мало того, Б. Обама представил курс на усиление механизма консультаций с союзниками по НАТО как шаг в направлении реформы этого блока, которая должна была сочетать несколько моментов: оценку сложившегося «пейзажа» безопасности – глобальной и региональной, определение системы источников опасности, оценку имеющихся ресурсов и, наконец, разработку стратегии на предстоящие 10–15 лет.

Была создана группа экспертов в составе известных политических деятелей стран Запада во главе с бывшим госсекретарем США М. Олбрайт. В её задачи входила разработка концепции новой стратегии НАТО для обсуждения на Лиссабонском саммите альянса в ноябре 2010 г. Группа интенсивно работала всю осень и зиму 2009–2010 г. и в мае представила первый вариант доклада [3]. Он получился весьма обстоятельным, хотя вызвал неоднозначную реак-

цию и сильное желание президента переделать некоторые его положения и обсудить новые идеи.

Во-первых, мысль о том, что НАТО, как успешная группировка, выигравшая «холодную войну», должна и дальше играть ключевую роль в упрочении евроатлантического единства и обеспечении безопасности. Здесь возникли вполне разумные сомнения, поскольку НАТО – всё же творение периода зарождения «холодной войны» (1949 г.) и вряд ли она по духу и по конституции отвечает необходимости обеспечивать безопасность в период, когда конфронтация в Европе сходит на нет и появилась возможность создания общеевропейской системы безопасности. Фактически в вопросе о том, надо ли и дальше строить безопасность на блоковой основе или же надо переходить к другим принципам обеспечения безопасности, эксперты во главе с М. Олбрайт решительно высказались за сохранение блока.

Во-вторых, раз уж блоковая основа союзнических отношений между США и странами евроатлантической зоны сохранилась, возник естественный вопрос о том, как построить отношения со странами, не вошедшими в альянс: в Европе – Россия и Сербия (не говоря уже о «нейтралах»), на Ближнем Востоке – арабские страны, в Южной Азии – Индия, Иран и Афганистан. Термин «партнёрство», предложенный в докладе, мало кого удовлетворил: если не будут построены более надёжные и стабильные отношения с этими странами, они всегда будут рассматриваться как потенциальные противники, а это явно противоречит интересам многих союзников США.

В-третьих, вопрос о доминирующей роли США. Безусловно, доклад исходил из того, что Соединённые Штаты и дальше должны играть роль гаранта безопасности своих союзников. Но в связи с военными неудачами в Ираке и Афганистане, в связи с острым финансовым кризисом, который ударил и по экономике США, в связи с ростом Китая и других развивающихся стран (что увеличивало нагрузку на взаимодействие США с окружающим миром) поднимался естественный и логичный вопрос о том, смогут ли и должны ли США продолжать играть ту же роль в отношениях с союзниками, что и в годы «холодной войны». К тому же у США, помимо союзников по НАТО, имеются союзники в Азии (Япония, Южная Корея и др.), Австралия и Новая Зеландия, а также ряд стран Латинской Америки. Они тоже нуждаются во внимании Вашингтона. Следовательно, нужен определённый баланс между обязательствами США в евроатлантической зоне и объёмом их усилий в других регионах.

Наконец, вопрос о состоянии ресурсов США и объёме их обязательств осложняется тем, что возникают новые типы вызовов в адрес безопасности в дополнение к терроризму, наркотикам, незаконной иммиграции и т.п. (например, опасность кибернападения), ответить на которые могут только коллективные усилия всех развитых стран во главе с США. Но для этого надо разработать механизмы сочетания усилий разных стран и формы организационной роли США. Кроме того, надо ещё раз вернуться к оценке вызовов в адрес безопасности западного сообщества и пересмотреть отношение к России, Китаю и Индии как к весомым игрокам. Следовательно, надо продумать вопрос о евроазиатском измерении атлантической безопасности.

В подготовленном администрацией в мае 2010 г. документе «Стратегия национальной безопасности» проблемам межсоюзнических отношений, причём как в Европе, так и в Азии, было уделено большое место. Во-первых, защита союзников США от любых опасностей приравнивалась к защите территории самих США (хотя источники таких опасностей были проанализированы весьма слабо). Во-вторых, поддержание экономики и уровня жизни в союзных странах и самих США было объявлено одной из главных задач американской стратегии безопасности, что продиктовано опасениями по поводу итогов финансового кризиса (хотя в его решении большую роль будут играть не союзники США, а Китай и Россия). В-третьих, среди задач сложившегося мирового порядка на одном из первых мест находится задача укрепления сильных союзов, в частности блока НАТО, а также союзов с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами, Таиландом. «Мы [США] будем продолжать поддерживать способность защищать своих союзников от старых и новых опасностей, – указывается в документе. – Мы также будем продолжать политику тесных консультаций с союзниками и с новыми партнёрами и организациями для сохранения и расширения сотрудничества в достижении общих целей» [2, р. 22].

На протяжении зимы 2009–2010 г. и весны – лета 2010 г. администрация Обамы предприняла ряд действий, которые, с одной стороны, должны были подтвердить желание администрации пересмотреть тип и характер отношений с союзниками в сторону большего равенства, а с другой – послужить подготовительной площадкой для Лиссабонской встречи глав государств и правительств стран НАТО, которая должна внести ясность в эти отношения. В Лиссабоне союзники должны были принять окончательное решение по поводу новой доктрины НАТО, что, в принципе, открывало путь к пересмотру некоторых положений, связанных с распределением нагрузки и ответственности между членами альянса.

Если этот пересмотр действительно приведёт к тому, что голос союзников в принимаемых решениях станет более весомым, это неизбежно будет способствовать важным переменам всей системы западных союзов: ещё больше возрастёт роль Европейского Союза в евроатлантической зоне, по-другому будут звучать вся российская проблематика (в связи с позициями Франции и Германии), возможен конец политики расширения блока. Но сам процесс обсуждения этих возможностей и принятия решений в Лиссабоне был способен породить новые трения в отношениях между США и союзниками и привести к появлению новых проблем. Бремя союзнических обязательств прошлого, видимо, становится всё более тяжёлым для США в новых условиях.

Отношения с новыми партнёрами (группой развивающихся стран). В документе «Стратегия национальной безопасности» задачи поддержания системы консультаций с союзниками в качестве одного из главных средств обеспечения интересов США тесно переплетаются с задачами консультаций с группой развивающихся стран, с которыми президент Обама считает необходимым поддерживать тесные отношения: Россией, Индией, Китаем, Бразилией, Мексикой, ЮАР, Индонезией. Политику выправления отношений с союзниками президент Обама решил дополнить расширением круга дружественных стран за счёт ряда крупных динамично развивающихся государств. По его мнению,

некоторое снижение активности США в отношениях с союзниками (что объясняется как рост уважения к их возможностям и ресурсам) должно быть компенсировано повышением внимания Вашингтона к развивающимся странам.

Как представляется, этот интерес президента Обамы свидетельствует о том, что он хочет в последующем выйти за рамки сосредоточенности только на делах западного сообщества и расширить глобальное влияние своей страны за счёт стран, которые в принципе восприняли определённую категорию западных ценностей (развитие, рост доходов населения, технологический прорыв, модернизация и т.д.) и проводят ради этого серьёзные внутренние преобразования. Не все из них идут дальше экономических реформ в построении демократического общества, но и это не смущает американского президента. Он считает, что рано или поздно и такие страны с традиционным недемократическим устройством, как Россия или Китай, под влиянием нужд экономического развития пойдут по пути развития многопартийности, свободного избирательного процесса, свободы информации, разделения власти на независимые ветви.

На данном этапе Б. Обама опасается, что эти страны, не всегда получающие тёплый приём на Западе и в целом в развитых странах, перейдут к стратегии коллективных действий (к примеру, усиление роли БРИКС) и это приведёт к опасности противостояния западного сообщества с развивающимися странами, к возобновлению конфронтации Север – Юг. Поэтому политика президента Обамы в отношении этой группы стран, оставаясь в принципе дружественной и партнёрской, включает в себя несколько противоречивых элементов.

С одной стороны, почти с каждой из этих стран – Россией, Китаем, Бразилией, Индией, Мексикой и др. – США поддерживают достаточно близкие и дружественные отношения, ориентированные на ту сферу, которая доминирует в этих отношениях: торговля и финансы – с Китаем, инвестиции и технологии – с Индией, межамериканская солидарность – с Бразилией, близость – с Мексикой и т.д. В отношениях с Россией это – политика «перезагрузки» (об этом – ниже). Проведение индивидуального курса по отношению каждой из этих стран, конечно, отнимает много времени и далеко не всегда помогает успеху из-за громоздкости и неоперативности государственных механизмов, но обеспечивает по крайней мере возможность избежать накопления противоречий и новой конфронтации.

С другой стороны, это стремление уйти от межблоковой схемы, в которой группа БРИКС совместно со своими коллегами из числа развивающихся стран выдавливала бы из США одну уступку за другой и становилась бы таким образом весомым глобальным игроком, у которого активы отдельных участников (мощная экономика Китая, ядерный арсенал России, латиноамериканский домен Бразилии, ключевая роль Индии в Южной Азии и ЮАР – в Африке и т.д.) дополнили бы друг друга и подталкивали бы к формированию совместной стратегии.

Задача Б. Обамы, как президента крупнейшего и наиболее мощного государства, лидера группы высокоразвитых стран, состояла в том, чтобы создать вокруг группы стран Запада своего рода «подушку безопасности», круг дружественных и сильных стран (в отличие от прежней колониальной перифе-

рии), которые могли бы внести существенный вклад в мировую экономику и политику, не нарушая сложившийся мировой порядок и сложившийся механизм принятия глобальных решений, определяющих всю мировую политику. Учитывая довольно скептическое и даже негативное отношение ряда союзников к такой постановке задачи (например, критическое отношение Японии к политике Б. Обамы в отношении Китая и России, такое же отношение Пакистана – к политике в отношении Индии, стран Восточной Европы – к политике Вашингтона в отношении России), её реализация может натолкнуться на серьёзные трудности.

Во-первых, далеко не все крупные развивающиеся страны готовы идти на развитие отношений с США на тех условиях, которые предлагает Вашингтон. Некоторые из этих стран, прежде всего Китай и Россия, считают, что США слишком долго «держат их в передней», затягивают процесс установления приемлемых отношений и будут жертвовать их законными интересами ради союзников.

Во-вторых, союзники США также не проявляют большой радости от того, что Вашингтон хочет дополнить их ряды «новыми партнёрами», с которыми надо ещё договариваться об условиях взаимоотношений. Главная неясность здесь состоит в следующем: насколько сильно будет отличаться формат отношений США с союзниками от формата их отношений с партнёрами из числа развивающихся стран, будет ли создан адекватный и надёжный механизм урегулирования споров и конфликтов, можно ли будет сочетать приемлемым образом интересы той и другой групп стран? И главный вопрос – какую роль при этом намерены сыграть сами США и окажется ли она им по плечу?

Поиски ответов на эти и некоторые другие вопросы составляли основу внешнеполитической платформы Б. Обамы на 2011 год. В определённом смысле он искал ответ на древнюю задачу: как перевезти на другую сторону реки волка, козу и капусту, чтобы волк не съел козу, а коза – капусту, и при этом в лодку можно взять только одного пассажира. В принципе, эта задача имеет решение, но оно обусловлено не только интеллектом перевозчика, но и его безусловным правом принимать любые решения и осуществлять их без сопротивления со стороны «объектов перевозки».

Сумеет ли Б. Обама, президент США, сочетающий сильные элементы лучших традиций американской политики в духе Ф.Д. Рузвельта и новаторства – в духе «отцов-основателей» США, найти решение тех проблем, которые он сформулировал для себя? От этого зависит во многом положение западного сообщества как мирового лидера в области технологии и менеджмента, перспективы развивающихся стран, в которых проживает около половины населения планеты, а также будущее самой бедной и отсталой части мирового сообщества.

Отношения с Россией. Президент Обама не стал подгонять отношения с Россией под общую категорию отношений с развивающимися странами. Во-первых, Россия пока ещё остаётся ядерной сверхдержавой, с которой надо договариваться о дальнейшем движении в сторону безъядерного мира, как одной из стратегических целей Б. Обамы. Речь идёт не только о новом Договоре о сокращении стратегических наступательных вооружений, подписанном

обеими сторонами и ратифицированным их законодателями в 2010 г. Это только верхушка айсберга, который состоит также из таких частей, как вовлечение других ядерных держав в процесс добровольного сокращения ядерных арсеналов; усиление режима нераспространения ядерного оружия и в этой связи – более тесная поддержка политики в отношении Ирана и Северной Кореи; контроль над движением ядерных технологий и расщепляющихся материалов; возобновление усилий по контролю над передачей ракетных технологий. Это целый комплекс мер, в продвижении которых США и Россия могут сыграть ведущую роль, если, конечно, Россия захочет откликнуться на призыв Б. Обамы и помочь ему в решении перечисленных выше проблем. Просто так Россия не будет идти навстречу пожеланиям США и жертвовать какими-то своими, пусть эгоистическими интересами.

Вторая сфера взаимоотношений между Россией и США, в которой Вашингтону нужна поддержка Москвы, это решение вопроса об Афганистане, причём как определённая помощь в успешном завершении боевых действий, так и сотрудничество в послевоенном урегулировании. И в Москве, и в Вашингтоне понимают, что завершение военной кампании НАТО в Афганистане, если только вообще возможно, не может быть конечной целью всего комплекса усилий по урегулированию афганского кризиса. Предстоит не менее важный этап послевоенного урегулирования: восстановление инфраструктуры страны, включая её построенную ещё Советским Союзом транспортную сеть и энергетическую систему, экономическое и социальное развитие (здравоохранение и образование), помощь крестьянству, особенно в регионах, где выращивают опиумный мак, в переходе на производство другой продукции; усиление органов безопасности и борьбы против незаконного оборота наркотиков и многое другое, что должно обеспечить мирное развитие страны и не допустить радикалов («Талибан») к власти. Эта же последовательность действий должна охватить и страны Центральной Азии, где позиции исламских радикалов могут укрепиться, прежде всего – Таджикистан и Узбекистан.

Третья сфера – развитие договорённостей между Россией и НАТО, достигнутых на лиссабонской сессии блока в ноябре 2010 г.: помимо координации в афганском вопросе, реализация планов совместной ПРО (на случай террористических пусков ракетно-ядерного оружия), обеспечение европейской безопасности, работа Совета Россия – НАТО, проблемы нового договора об обычных вооружениях в Европе, какие-то решения проблемы тактического ядерного оружия (с участием Великобритании и Франции). К этому же блоку проблем примыкает вопрос энергетической безопасности и, прежде всего, гарантии стабильного обеспечения европейских союзников США энергетическим сырьём из России, вопросы освоения ресурсов Арктики, положение в районе Чёрного и Балтийского морей, проблемы отношений между Россией и Европейским Союзом.

Четвёртая область интересов, требующих совместных российско-американских подходов, это зона Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где интересы обеих стран соприкасаются напрямую (зона рыболовства и экономических интересов) и в ситуациях, где участвуют третьи страны: Корейский полуостров,

Вьетнам, страны АСЕАН, а также – весьма важный для России вопрос – треугольник отношений между Россией, США и Китаем.

И, наконец, пятая сфера относится к сотрудничеству по планетарным вопросам, начиная с реформы ООН и кончая такими перспективными областями, как исследование и освоение Мирового океана и окружающего космического пространства.

Таким образом, если с точки зрения формальных критериев (ВВП на душу населения, объём привлечённых инвестиций, производство высокотехнологичных товаров и т.п.) Россия и не выделялась из числа возможных партнёров – стран БРИКС, то для решения некоторых основных задач внешней политики Б. Обамы она стала играть определяющую роль. Неспроста поэтому он предложил термин «перезагрузка» в качестве определения своих планов в отношении России, суть которых состояла в том, чтобы, не разрушая достигнутого после окончания «холодной войны» позитива, пересмотреть весь груз негатива, образовавшегося в отношениях обеих стран, начиная с решения 1995 г. о расширении НАТО, войны НАТО в Югославии (1999 г.), выхода США из Договора по ПРО в 2003 г., попыток создать дополнительный плацдарм противоборства в Грузии и Украине и вплоть до планов размещения элементов американской ПРО в Польше и Чехии вопреки сопротивлению России.

Б. Обама с самого начала сделал успешную попытку перевернуть систему приоритетов в отношениях с Россией, сложившихся при его предшественнике, и восстановить в этой системе порядок, основанный на признании важности России и её политики для решения некоторых первоочередных проблем США, о чём речь уже шла выше. Признавая, что политика Дж. Буша-мл. исходила из необоснованных представлений о возможностях США (при которых содействие России вроде бы становилось не столь уж важным), президент Обама показал, что участие России в решении ряда проблем для США крайне необходимо и поэтому выстраивать стратегию действий на этом направлении надо было совсем по-другому: заинтересовать Россию в решении этих проблем, учесть её интересы, дать ей возможность проявить себя и свои возможности и на этой основе строить партнёрские отношения, в том числе и всемерно содействуя реализации её планов модернизации экономики и создания наукоёмких передовых отраслей производства.

Мировой баланс и задачи на будущее

Политический стиль Б. Обамы, в отличие от некоторых других его предшественников (У. Клинтона, Дж. Буша-мл.), сочетает в себе стремление решать текущие проблемы, не упуская из виду отдалённые перспективы. В некоторых его выступлениях (речь в Каире в мае 2009 г., выступление в ООН в сентябре того же года) содержались указания на то, как американский президент мыслит крупные стратегически важные направления мирового развития и развития США в условиях крупных общемировых перемен, связанных как с технологическим и общеэкономическим прогрессом, так и с меняющейся архитектурой мирового устройства. При этом он весьма далёк от постановки вопроса о сохранении мировой роли США в неизменном виде,

как она сложилась после окончания «холодной войны», а также от панических настроений в духе «конца света».

Он старается трезво оценить позитивные перемены в современном мировом сообществе, справедливо увязывая их с реализацией крупных интересов США (ставка на ускоренное экономическое и социальное развитие, расширение мирового рынка и становление американских правил его функционирования, расширение круга участников политического процесса, рост конкурентных отношений в сфере политики и экономики и т.д.), а также признать их объективные следствия для общемирового развития: рост числа сильных экономик, решение коренных проблем разных обществ (права человека, жизненный уровень населения, равный доступ к здравоохранению и образованию, в том числе информации, политическое участие), формирование общемирового компакта стран, в котором богатые нации будут составлять уже не прежние 10–15% населения Земли, а 40–45% (с учётом Индии и Китая), а может быть, и больше.

Тем самым можно определить и смысл предлагаемых Б. Обамой перемен во внешней политике США. Укрепление позиций самих США в его действиях, безусловно, занимает первостепенное место. Но если бы этим и ограничивались его планы, то трудно было бы говорить о «феномене Обамы» в мировой политике. Однако здесь «феномен» имеется, и его значение состоит в том, что американский президент, во-первых, правильно определил нарастающую опасность кардинальной дестабилизации мировой системы, за которой вполне мог бы проглядывать новый глобальный кризис: конфликт цивилизаций (ислам – христианство), борьба бедности против богатства, стремление быстро растущих новичков к переделу мира и т.д. Поэтому он поставил своей целью не только разобраться в этих сдвигах, но и найти правильный ответ: там, где это целесообразно, примириться с переменами и даже помочь другим странам облечь их в приемлемую форму; там, где с этими переменами примириться нельзя (терроризм, распространение ядерного оружия, наркотики и т.д.), организовать общий отпор и не жалеть усилий для подтверждения лидирующей роли США. Одним словом, и в борьбе против «вселенского зла», и в примирении с неизбежными переменами США должны по-прежнему играть роль лидера.

Во-вторых, на Соединённые Штаты, их политический механизм и интеллектуальное сообщество приходится определение вектора глобальных перемен и направления движения. Если то, что происходит в странах с быстро развивающимися экономиками, и есть стержень грядущих перемен, это – одно дело. Тогда США вполне в состоянии сочетать в своих действиях два взаимодополняющих начала: с одной стороны, помочь этим странам инвестициями и технологиями добиться реализации цели приближения уровня развития к уровню развитых стран, а с другой – заполнить пока ещё пустующие места главных спонсоров и финансистов этого движения и обеспечить себе в будущем возможность определить его направление.

В-третьих, в этом случае США должны озаботиться тем, чтобы через систему образования и научных исследований передать новым экономикам свои политические и духовные ценности и, тем самым, взять на себя ведущую роль в формировании единого мира, сочетающего все достижения знаний и науки и

все достижения национальных культур Европы и Востока. Но если при этом возникнет опасность использования западных технологий и достижений в области науки для организации фронта враждебных стран, мечтающих об «историческом реванше» и «мести» Западу за унижения периода колониализма, то и здесь США должны взять на себя функцию арбитра (поскольку они сами, как нация, начинали с борьбы за независимость) и найти приемлемое решение этого исторического спора.

И, наконец, в-четвёртых, США должны использовать все свои военные, финансовые, технологические и управленческие преимущества, чтобы добиться создания в мировой системе отношений механизмов справедливого и основанного на праве разрешения неизбежных споров и конфликтов, порождаемых вековыми подозрениями, недоверием, завистью и недоброжелательством. Организации типа ОАГ (Организация американских государств), НАТО, ЕС, АТЭС (Азиатско-Тихоокеанская ассоциация сотрудничества) и им подобные, ставшие региональными дополнениями ООН, могут и должны со временем при активном поощрении со стороны США стать механизмами предотвращения конфликтов и мирного урегулирования споров, а также координации усилий по ускорению социально-экономического развития.

Если бы эти замыслы президента Обамы удалось хотя бы частично осуществить, весь мир, и США в том числе, значительно продвинулся бы вперед по пути исторического прогресса. Это был бы уже не «конец истории» и не «закат Запада», а какое-то новое качество общемировой системы, в становлении которой Соединённые Штаты сыграли бы определяющую роль. Как представляется, именно в этом и заключается личная и президентская амбиция Б. Обамы и смысл его преобразований в сфере внешней политики.

Список литературы

1. *Най Дж.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Пер. с англ. Новосибирск; М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с.
2. National Security Strategy. May 2010. Washington (D.C.). GPO, 2010.
3. NATO 2020: Assured Security, Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on New Strategic Concept for NATO. May 17, 2010.
4. *Nye J., Jr.* The Future of American Power // Foreign Affairs. November/December. 2010. P. 1–10.
5. Remarks by President Barak Obama. Hradcany Square, Prague, Czech Republic. White House Office of the Press Secretary. Washington (D.C.). April 5, 2009.